

Обед без плиты

Горелку «Восток» скоро можно будет встретить на удаленных стройках, у палаток геологов, на отгонных машинах и полевых станках колхозных совхозных бригад. Экономичная и легкая, она позволяет в любых условиях быстро вскипятить воду, сварить обед. Двадцати семи литров сжиженного газа — пролета, бутили на пропан-бутановой смеси, а заключенного в стандартный баллон, на клапан которого вывешивают «Восток», хватает, чтобы в течение месяца четыре раза в день готовить пищу для пяти человек.

Портативная горелка — хорошая замена газу в полевых и стационарных условиях. Громоздкую плиту, создаваемую в специальном конструкторском бюро «Газприборавтоматика». С ее устройством можно ознакомиться в павильоне «Газовая промышленность» ВДНХ СССР. (Пресс-центр ВДНХ СССР — ТАСС).

О долголетии

Белорусский партизан — 105-летний дед Талаш погиб в 1945 году, с оружием в руках защищая Родину.

В паспорте Ивана Ефимовича Чернышева записано: год рождения — 1808. Он современник Пушкина и Лермонтова. Родился Иван Ефимович в Москве, уверяет, что смутно помнит московский пожар 1812 года. Четверть века он прослужил в армии, потом работал сторожем. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Рекорд длинной и счастливой семейной жизни принадлежит Иношу Ровену и его жене Саре — жителям венгерской деревушки Страдова. Они жили вместе 147 лет. Умерли они в 1825 году. Иношу было тогда 172 года, а его жене — 164. Их сыну в то время минуло 116 лет. В последние годы своей супружеской жизни эта семейная пара привлекала всеобщее внимание. Голландский посланник в Вене посылал их и заказал их портрет. Эта картина вместе с их брачным свидетельством находится в Англии.

Нильс Паулсен из Улсасы (Швеция) умер в 1907 году в возрасте 160 лет, оставив двух сыновей: 9-летнего мальчика и старца в возрасте 103 лет.

Пьер Дефорналь (Франция) был отцом трех сыновей, — все они родились в разных столетиях. Первый мальчик родился в XVII веке — в 1699 году, второй — в XVIII веке — в 1738 году, а третий — в XIX веке — в 1801 г.

Осознанная необходимость

— Хорошо было в школе, дочка? Чему тебя научили?
— Немногою, мама. Я должна буду пойти туда завтра опять.

Редантор П. П. НОЗДРОВ.

споро пошла от трактора к дороге. Печеркин виновато посмотрел на Григория, пожал плечами, хмыкнул и полез в кабину горячего трактора.

Вечером Гриша выпустил в залочные «бобовый листок», в котором рассказал о допущенном браке. Он хотел помочь Вале, но та, встретив его в клубе, недобролюбно сказала:

— Хотела поначалу разное учинить, да на первый раз и уговорю хватит. О полевых делах писать буду сама. Здесь я компетентна. Вот так. — Сеточки в уголках глаз смкнули, взгляд подобрел. — Одним словом, я направляюсь к тебе в негласные редактора. Идет, старина? Ну, тогда заключим контракт.

Валя протянула ргку. Гриша охотно сжал маленькую ладонь и согласился: — Рад помочь...
Вот в эту-то ночь Гриша впервые не уснул. Как ни кружилась на постели ладонь, вставал крохотные омуты Валюных глаз. А в руке копотило тепло. Он бережно держал ладонь под щекой и улыбался в темноту.

И прощай покой, прощайте мирные ночи. — Стеняет, Гриша уйдет за околицу, рухнет в траву и ляжет там долго, неподвижно. Над ним звезды, над ним небо, над ним неохватное мироздание, над ним тишина...

Нет только покоя. Сердце неистово мыслит, как потревоженные чучелы, проносятся в голове. И вроде бы не думает он о Вале, а вот и хорошо, и грустно на душе. Кружило голову неясным, нереальным счастьем. Хотелось что-то сделать, а что — не представлялось.

— Довел тот улаз жарким. Гриша шел пыльной, нагретой дорогой. Вызрел хлеб, и над ним дымилась легкая пыльца. Широкие, как солдатские ремни, листья кукурузы млели на солнце тусклой полнорозной. Трещали кузнечики, пела птица, радом, под ногами.

Нагнала Валя. Она сидела в ходке и смотрела на Гришу из-под платка-шалашика застенчиво, с ожиданием.

— Совещание у меня в третьей бригаде. Едем?
Возвращались на другой день рассветом. Григорий молча взял у Вале вожжи и повернул лошадей к лесу, и участку, где три года назад была порубка.

— Сиди так, Валентина Абросимовна...
И-за леса выкатилось солнце. Упругние, первенные светом, лучи упали полосою латуной фольги, оживили травы, просквозили воздух.

— Смотри!...
Небольшая лошадка полыхала розовым огнем. Пламя переливалось, отражалось крохотными искорками в мильоне росных капель, гасло и опять вспыхивало. Кинкальные блики до рези в глазах нидались вниз и гасли. Целое море розового кипрея, окропленного росой, горело в лучах свежего солнца.

Валя прыгнула с ходка, улегла за собой Гришку. Они поехали по траве. Проконили до поюса, Валя остановилась, и молча покосила вниз. По цветку валю ползла пчела. Шевела задними ножками, она собирала нектар. Тонко пахло медом. Пчела, видимо, с вечера осталась здесь и сейчас подсыхала на солнце, собиралась сесть в свой улей. Вот она вскинула крыльшки, записала длину, поднялась и прочертила в воздухе полукруг. Путь ее лежал в пасене.

Гриша взял девушку за руку, и они молча пошли к дороге. Позади следилась зелень.

(Окончание в след. номере).

отнес библиотечку, побывал у механизаторов.
День уже истекал зноем. В воздухе пахло медовыми травами. В голове шумело от кузнечиков, пчел, жаворонков. Небо, истомленное июльским солнцем, посередел и поднялось еще выше.

Гриша нехотю шел напрямки к деревне. Из-под ног дождило серыми извечниками. У речушки с романтичным названием Елочка Гриша остановился и, стянув с головы пенку, лег на песчаный берег. Холодная, но по луту, вода остро обожгла губы. Он стал пить воду большими глотками.

На руках приподнялся и тут только увидел на воде тень. Встал, отряхнул с колен песок и медом. Рядом стояла девушка с оханкой цветов. В тонких губах и темных

Петр Шмаков
РОДНЫЕ ВЕРЕТА
Рассказ

глазах было знакомое. Скользящая личинка, прочеркнула на лбу вытинка и она спросила:

— Мокрая? — вынула на речушку и громко засмеялась. Гриша узнал агронома. Она чем-то взволновалась. А чем трудно было понять. Отняла от груди цветы, протянула их парно и шагнула к берегу. Присела на корточки, знакомо одернув узкую юбку, зачерпнула ладонями воды и стала ловить ее губами по-детски жадно, шаловливо.

Гриша увидел ее зачерные от солнца локотки, капли воды, падающие с рук. Срывались они, наливались солнцем. На одно мгновение вспыхивали капли солнечным жемчугом и тонко звенели в речушке, будто не хотели так быстро умирать.

Трудно оторвать взгляд от девушки, от капель, от загорелых круглых локотков. Замер в изумлении и цветы держал в вытянутых руках, словно боясь, что они обожгут.

— Ух, здорово! — выдохнула Валя и подошла к парню. Она молчком взяла цветы, уткнулась в них лицом, положила их на левую руку, как женщины носят грудных детей, всматриваясь и словно впервые увидела Григория.

— Здравствуй, Гриша.
— Здравствуйте.

Домой? Пойдем вместе. Шли молча. В душе Григория было что-то перемолось. Не гасли перед глазами жемчужные скучные нити, со звоном умирание в серо-синем юквете опрокинутого неба...

У крыльца Валиного дома она остановилась. Гриша смотрел на девушку прямо, не стесняясь.

— Не смотри долго — тосковать станешь. — Не смущившись сказала Валя. — А вода чуднейшая в Елочке. Да?

— Ломозубая...
— Ломозубая? Как мило. Ломозубая... Музыка. Как в Ессентуках... Ты был когда в Ессентуках, Гриша?

— Нет, что вы... Вот в Кемерове, с самодеятельностью... Один раз.

— Не богато... Ну, до свидания. Завтра мы рано-рано вставать.

Опустились реснички, дрогнули брови, с лица сошла улыбка, и Валя скрылась за дверью. Гриша быстро зашагал

от голубых стаян, стараясь ходою потопить новые чувства, упремые и навязчивые, как мотив знакомой песни.

Дел в поле у Гришки хоть отбавляй. С уборкой неладно — и ему не по себе. Будто в том он виноват. В стеллагах, в листовых пишет об оставании колхоза, призывает поплять производительность, сократить потери.

Порой даже ему хочется плюнуть на клубную и библиотечную работу и пойти в поле самому. Так он однажды и сделал. Но вызвал его и себе парторг. Семей Андреевич, и очень мягко посоветовал не зарываться.

И опять он меряет расстояние, где пешком, где на перекадках. Ходит, а мысли о Вале покой не дают.

Как-то свернул Гриша с дороги. Над пашней висело горючее знойное марево и пыльно, плавно несомая к седлому искошему горизонту. Прямо у молодого третнего осинника стоял трактор Петеркина. Рядом хозяин машины и агроном. Разведя руками и улыбаясь подетски светло и коротко, Печеркин старается убедить девушку.

— Дед... Валентина Абросимовна, на поношкку, а вы на всю январскую... Ошибся... Да тут...

Валю свела черные ниточки к переносию, перебила тракториста злым и строгим голосом: — Вы хлещеборт со стажем. Потому прописные истины читать не стану. Переделает. Иначе работу не приму. Вечером проверю, — круто повернулась и

Новая профессия — художник-оформитель появилась в крупных селах Одесской области. Эти специалисты готовят декорации к спектаклям самодеятельных артистов, стенды наглядной агитации, оформляют стенные газеты.

При Одесском областном Доме народного творчества созданы курсы художников-оформителей, на которых обучается много одаренных юношей и девушек, направленных на учебу колхозами.

На снимке: группа учащихся на занятиях в студии живописи и рисунка.

Фото А. Фатева.

Фотохроника ТАСС.

г. Белово, ул. Советская, 2-я площадка завода «Куббассрадио». Телефоны редактора — 4-03, 1 звонок, отдела сельского хозяйства — 4-03, 2 звонок (городской коммутатор), отдела партийной жизни — 2-07, ответственного секретаря — 2-89, отдела культуры и быта — 2-70, отдела писем — 2-08 (коммутатор 2-й площадки завода «Куббассрадио»).

НЕСКОЛЬКО РАССВЕТОВ
Крылья вешней встречает
ва/околицей. Вылетает за деревню, сверкает с дороги, отяжелевшей от ночной влаги, и идет вдоль речки, на которой проглядывают первые дымки тумана в прибрежном ивняне, а на излучинах в зелени травки плещется голубая рыбецка. С лугов доносится скрип неустанный коростеля, в лицо тянет медовых запахи.

Гриша улыбается всему коротко, невесело. До июля, до вымокания в траве, но все бродит до солнца. Земля его замечает: сини Гришки лицом. В одиночество часто удареится. А виной всему, видать, любовь...

Началось это с недавнего времени. Забрал Гриша в полдень как-то в контору, а на встречу ему председатель. Тряхнул дружелюбно руку Гришке и забрал сверху: — Кстат, Григорий, появился. Стонешь на станцию? Стонешь, Григорий, нам нужен? Нужен. Встретить его там по всем правилам. Понятно? Попятно. В культурности себя понаой провай. Ну, пошел...

До станции, где на две минуты останавливался московский поезд, ехал было не полчаса. Дорога, с неумной травой, проходила через мелкий березник, затем обгнала кладбище деревни Милково, а перед самым полем пересекла пеструю от цветов полянку.

Григорий ожидал увидеть солидную, степенную женщину с толстыми щеками, в городской шляпе. А из вагона выпорхнула девушка-невеличка с тощим узлом и полупустой авоськой. Маленькая головка в коротких завитках без конца вертелась. И вся она была не поселливая, живая. Глаза темные, с длинными ресничками и бровями-ниточками. Точно такие Гришка видел у артистов, что приезжали в прошлом году к ним в колхоз. Таких бровей нет у деревенских девиц.

За мной? Вот чудесно. Спасибо. Меня Валею зовут. Устала до чертиков.

Перекинула авоську через колени Григория, толкнула голову в ноги и, поднув юбку, медленно влезла в ходок.

Ехали, самый пустак. — пробасил Гриша, распухавшие темные вожжи. — Вон за болшаком и деревня.
Дорогой девушка беспрестанно крутила головой, чем напоминала парню юркую ласточку, и без конца вскидывалась в речку и цветам, и облаками, и мостом. У дома с голубыми ставнями, где отдели комнату агроному, Григорий натянул вожжи и, проследив, как Валя занесла вещи в сани и вынула ему на прощанье хмыльнулся и понукинул лошадей.

В полевом стане Гришка задержалась чуть не до вечера. Выпустил там «боевой листок»,

Наш АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ